

А. В. Скоробогатов¹

МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Начало XXI века ознаменовалось усилением интереса к историческому прошлому, что можно рассматривать в качестве одного из проявлений глобализации. С одной стороны, человек перестал ощущать себя существующим «здесь и сейчас», воспринимая себя как часть глобального человечества не только пространственно, но и темпорально. С другой стороны, уже невозможно достичь сохранения национальной идентичности в пределах пространственно-временного континуума. Обращение к ценностному потенциалу прошлого позволяет не только использовать накопленный социальный опыт, но и сконструировать на его основе современную социальную и правовую реальность. Однако речь идет не об историоризации реальности, а об обращении к социальной памяти, которая, по словам П. Рикёра, является матрицей истории, средством репрезентации прошлого в настоящем². Осознание Российским государством ценностной роли социальной памяти в конструировании социальной реальности актуализировало политику памяти и мемориальное законодательство³, особенно в условиях начатой в 2020 году конституционной реформы⁴.

Под мемориальным законодательством мы понимаем совокупность нормативных правовых актов, регулирующих различные аспекты сохранения, представления и использования социальной (национальной) памяти⁵. Мемориальное законодательство имеет ретроспективный характер. Вектор артикуляции прошлого здесь диктуется настоящим, для которого важнее не точность изложения событий прошлого, характерная для исторической науки, а наличие в прошлом ценностных маркеров, которые могут быть использованы для повышения эффективности функционирования современной социальной и правовой реальности. Это проявляется в трех взаимосвязанных аспектах. Во-первых, чтобы те или иные даты, события и имена были вклю-

чены в текст нормативного правового акта, они должны содержаться в коллективных воспоминаниях. Во-вторых, мемориальное законодательство призвано не только фиксировать прошлое, но и транслировать социальный опыт, апробированный действиями прошлых поколений и нашедший отражение в воспоминаниях. В-третьих, образ прошлого, эксплицированный в законодательстве, является не реконструкцией истории, а ее деконструкцией, интересубъективной интерпретацией. При этом память не только отражает ценностные ориентации общества, но и, говоря словами М. Хальбакса, «концептуализирует социальное»⁶.

Мемориальное законодательство направлено на конструирование непротиворечивого, цельного образа прошлого, которое рассматривается не только как аксиологическая, но и как онтологическая детерминация настоящего. Ключевым элементом последнего выступает закрепление в Конституции РФ правопреемства современной России с предшествующими государственными образованиями, существовавшими на данной территории (ч. 1-2 ст. 67.1)⁷. В мемориальном законодательстве эта идея развита расширением перечня памятных дат на всю «тысячелетнюю историю России»⁸.

Благодаря мемориальному законодательству в общественном сознании может преобладать либо негативный, либо позитивный образ прошлого. В первом случае основной упор делается на те явления прошлого, которые связаны с травмой, жертвой и покаянием, что особенно характерно для мемориального законодательства стран Центральной и Восточной Европы⁹. Во втором случае внимание акцентируется на героических фреймах памяти, через призму которых даже трагические события интерпретируются через героическое преодоление. Примером последнего может служить нормативно закрепленное отношение к Великой Отечественной войне как «память о защитниках Родины, тех, кто отдал свои жизни в борьбе за ее свободу и независимость»¹⁰.

¹ Профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, доктор исторических наук. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 14 монографий: «Правовая политика России в царствование императора Павла I», «Очерки по юридической антропологии» (в соавт.) и др.; статей: «Правовая традиция как социокультурное средство повышения эффективности законодательства», «Ценностная детерминация юридического дискурса», «Правовой миф как средство социальной идентификации», «Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ» и др.

² Ricoeur P. La Mémoire, l'histoire, l'oubli. P. : Edition Du Seuil, 2000. P. 647.

³ Дорская А. А., Пащенко Д. А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 6. С. 5–15. DOI: 10.12737/jfcl.2021.061.

⁴ Бабури С. Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3–6. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-3-6.

⁵ Подробнее о понятии мемориального законодательства см.: Korosov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. XVI, 321 p.

⁶ Halbwachs M. La topographie légendaire des évangiles en terre sainte. Etude de mémoire collective. P. : Presses Universitaires de France, 2008. P. 234–235.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 06.10.2022).

⁸ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. 1995. 13 марта. № 11. Ст. 943.

⁹ См. например: Dobrescu C. Recognition and Secularisation: Memorialising Mass Exterminations in Western and Eastern Europe // Kulas P., Wańkiewicz A., Krawczyk S. Understanding Recognition: Conceptual and Empirical Studies. N. Y. : Routledge, 2023. P. 163–180.

¹⁰ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1928 (Преамбула).

Мемориальное законодательство выполняет две бинарные роли, одновременно эксплицируя места памяти, сформированные в обществе, и конструируя новые фреймы памяти.

С одной стороны, оно выступает в качестве топоса, определяя официальную номинацию мест памяти. Речь при этом идет не о реконструкции исторического прошлого, а о конструировании мест памяти как специфической интерпретации дат, имен и событий, имеющих ценностное значение для национальной идентификации. Политическая элита как адресант вертикальной коммуникации определяет номинацию и содержание фреймов памяти, поддержание которых необходимо не только для социальной идентификации, но и для обеспечения ценностного аспекта национальной безопасности. Целью мемориального законодательства при этом является формирование того, что А. Маргалит назвал «общей памятью»¹, — коллективного представления о наличии и сохранении в социуме тех ценностных аспектов воспоминаний, которые обеспечивают его единство. Благодаря этому адресант не просто определяет фреймы национальной памяти, но и артикулирует пределы ее бытования в обществе. Особенно значимы в этом отношении мемориальные нормы, посвященные ответственности за деяния, в том числе вербального характера, связанные с оскорблением национальной памяти или пропагандой идей, ей противоречащих. Примером может служить запрет пропаганды нацистской идеологии (ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ²), который направлен, во-первых, против действий и высказываний, оскорбляющих героическую память российского народа о Великой Отечественной войне, а, во-вторых, против распространения мировоззрения, которое не соответствует мемориальным ценностям установкам российского общества.

С другой стороны, мемориальное законодательство является метафорой, эксплицирующей места памяти, являющиеся конвенциональным результатом горизонтальной коммуникации. Конструируя коллективную память, политическая элита демократического общества лишь обобщает индивидуальные и групповые виды памяти, функционирующие в социальной среде, и придает им единый, непротиворечивый характер. В этом смысле социальную память можно рассматривать как результат горизонтальной коммуникации, в процессе которой места памяти приобретают не только легитимный, но и легальный характер. Придавая сформированным в социальной среде местам памяти официальный статус, мемориальное законодательство легитимирует потребность общества в ретроспективном взгляде на национальное единство и легализует места памяти не только путем их нормативного закрепления, но и определяя их роль в коммеморативных практиках, в том числе ритуально-церемониального характера.

Благодаря мемориальному законодательству социальная память перестает быть исключительно

темпоральной категорией, приобретая пространственное и социальное выражение, для обозначения которого лучше всего подходит термин «места памяти», введенный П. Нора. Он определяет места памяти как феномены коллективной памяти, которые формируют идентичность определенного сообщества и служат основой для его самоопределения. При этом категорию места он рассматривает не в географическом, а в социальном контексте, включая в него культурные артефакты независимо от формы их выражения, которые являются носителем коллективных представлений о прошлом и исследование которых ориентировано не на реконструкцию прошлого, а на деконструкцию воспоминаний о нем. Места памяти являются символами, которые кристаллизуют национальную идентичность, определяя ее границы пространственно, темпорально и социально³.

Мемориальные законы устанавливают ценностные ориентиры и систему координат национальной памяти, а также сакрализуют героическое и (или) трагическое прошлое, память о котором позволяет обеспечить ценностный аспект национальной идентификации. Символическая наполненность таких законов должна не только обеспечить социальное единство, но и гарантировать государству, артикулирующему сакральные артефакты, социальную поддержку.

Ритуализация мест памяти позволяет придать им сакральный статус и рассматривать в качестве репрезентативного средства поддержания духовной (культурной) безопасности и обеспечения ценностного аспекта национальной идентичности. Конструируемое при этом сакральное пространство может быть использовано для защиты не только мирских (преходящих) ценностей, но и духовных (вечных). Тем самым мемориальные законы выступают не только создателем, носителем и репрезентатором социальной памяти, но и специфичным «средством перехода» от профанного настоящего к сакральному прошлому.

В контексте репрезентации исторической памяти мемориальные законы можно классифицировать на две группы, различающиеся по способу правового регулирования: 1) законы, маркирующие мемориальные даты, события, символы и имена, определяющие фреймы национальной памяти⁴; 2) законы, призванные установить запрет на совершение деяний, направленных на репрезентацию иных интерпретаций прошлого, чем это нормативно определено⁵.

Таким образом, мемориальное законодательство как важнейшая часть политики памяти призвано репрезентировать образ прошлого, сформировавшиеся в общественном сознании места памяти, являющиеся кон-

³ Nora P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations*. 1989. № 26 (Spec. Iss.) : Memory and Counter-Memory. P. 7–24.

⁴ См. например: Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «О днях воинской славы и памятных датах России».

⁵ См. например, ч. 4 и 4.1 ст. 13.15 КоАП РФ, устанавливающие ответственность за распространение информации, противоречащей или порочащей память о воинской славе России (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1).

¹ Margalit A. *The ethics of memory*. Harvard : Harvard Univ. Press, 2002. XII, 228 p.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.

венциональным результатом горизонтальной коммуникации. Однако сконструированный в законодательстве образ прошлого является не реконструкцией исторической реальности, а ее деконструкцией и призван уси-

лить ценностные основания национальной идентичности. Репрезентация этого образа нормативными средствами призвана обеспечить ценностное единство государства и общества.